

pressing problems encountered in the ideological and methodological principles of sports science.

From a philosophical point of view of the urgency of the problem is that the pressure of global information and processes of civilization, it becomes obvious problem biosocial human condition as the driving force of historical progress, including its flesh, and along with social activity.

In conclusion emphasizes that the problems of modern sport historically conditioned and overcome the crisis in physical education can

go through a change in its philosophical and ideological paradigm. The new philosophical and ideological paradigm in existential-anthropological concept of «Youth Sports» has to step up public opinion around humanistic orientation sport that exalt the power and beauty of human physicality in decorating her spiritual qualities: strength of will, patience, integrity, enthusiasm, commitment, concentration, romanticism.

Надійшла до редколегії: 23.01.2014 р.

УДК 1 (091)

С. Г. Карпова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КРИЗИСНОЕ МЫШЛЕНИЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Проанализировано кризисное мышление русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. Обнаружены и исследованы в работах Н. Бердяева, С. Булгакова, К. Леонтьева, В. Соловьева, Е. Трубецкого, С. Франка такие типы кризиса как «кризис культуры», «кризис искусства», «кризис сознания», «кризис государственности». Обнаружены компаративные связи в «кризисном мышлении» представителей русской религиозной философии.

Ключевые слова: кризис, кризис культуры, кризис сознания, кризис государственности, русская религиозная философия.

Постановка проблемы. Современный постиндустриальный и постмодерный мир постоянно сталкивается со всевозможными вызовами в культурной, социальной, экономической и политической сфере. Кризис или проявления «кризисности» стали привычным повседневным явлением. В связи с этим необходим глубокий философский анализ феномена кризиса. Многие западноевропейские философы XX века обращали свое внимание на изучение кризиса, однако ранее, в XIX веке, данная проблематика была актуализирована представителями русской религиозной философии. Существует большое количество историко-философских исследований русской религиозной философии конца XIX – начала XX века, однако недостаточно исследованным остается именно аспект кризисного мышления представителей философии этого периода. В то же время современный этап развития общества, философский, социокультурный и политический дискурс диктует необходимость углубиться в изучение феномена кризиса и эта тема является актуальной.

Статья написана в рамках проведения исследований кафедры философии ДНУ им. О. Гончара по комплексной теме № 0113V004397 «Формирование философских, социокультурных и политических механизмов единства украинского народа в контексте разнообразия цивилизационных процессов современного глобального мира».

Анализ последних исследований и публикаций.

Историко-философские исследования «кризисного мышления» русской религиозной философии начали актуализоваться недавно. Изучением проблемы кризиса в трудах европейски и русских философов XX ст. занимается российская исследовательница Т. Ю. Сидорина. Ее работы «Парадоксы кризисного сознания» и «Кризис XX в.: прогнозы русских мыслителей» открывают научную дискуссию относительно философского осмысления феномена кризиса. Она анализирует построения русских религиозных философов сквозь призму именно культурного кризиса и намечает пути историко-философского исследования. Однако, что является вполне закономерным, работы Т. Ю. Сидориной не исчерпывают данную проблематику, а только ставят ориентиры в научно-исследовательском поле. Так, Т. Ю. Сидорина не анализирует «кризис государственности», а также взаимосвязь «кризиса культуры» и «кризиса государственности», который пытались осмыслить Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой и др. Кроме того, до сих пор нераскрытой остаётся тема «кризиса культуры» в связи с проблемой «кризиса сознания» и «кризиса государственности». Оказываются не проанализированными также кризисные построения представителей русской религиозной философии сквозь призму компаративистики.

Цель статьи. Целью данной статьи является анализ кризисного мышления русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. (на примере творчества Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева, Е. Н. Трубецкого, Н. Ф. Федорова, С. Л. Франка). И одной из основных задач здесь является не только анализ разного типа кризисов, но и выделение компаративных связей в кризисном мышлении русских религиозных философов.

Основной материал исследования. В русской религиозной философии уделялось много внимания осмыслению феномена кризиса. Такие выдающиеся мыслители как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк стали свидетелями глубокого культурного и цивилизационного кризиса, который проявлялся в социальной, экономической и политической сфере дореволюционной и пореволюционной России. Проявление всестороннего кризиса требовало философского осмысления его причин и истоков.

Одним из первых дает определение «кризиса» и предчувствует его глобальный, всеобъемлющий характер Н. Федоров: «Кризис – это перелом, переворот, колебание совести, умственных и нравственных начал, основ, устоев. Связь эстетического кризиса с вопросом о человечестве как едином роде (художник) и о земле как нераздельном наследстве (прах отцов), материи» [15, с. 108]. Где под «художником» имеется в виду человек как преобразующее начало бытия, а под материей – весь объективный мир, в котором творит и действует человек (например, через науку, искусство, политику, экономику и т.д.).

Ещё один русский религиозный философ, В. Соловьёв, обозначал кризисный дискурс современной ему эпохи с одной стороны через антропологический аспект, с другой – посредством актуализации научно-философского аспекта. Так, рассматривая антропологический аспект, он предсказывал человеку темные времена и «гибель»: «Современный человек в охоте за беглыми, минутными благами и летучими фантазиями потерял правый путь жизни. Перед ним темный и неудержимый поток жизни. Время, как дятел, беспощадно отсчитывает потерянные мгновения. Тоска и одиночество, а впереди – мрак и гибель» [12, с. 557]. Другой аспект, который интересовал В. Соловьёва в связи с проблемой «кризиса», касался исследования кризиса западной философии. Анализируя ситуацию в современной ему философской мысли, философ, с одной стороны, не воспринимал идеи О. Конта, а с другой отталкивался от них, отмечая в работе «Кризис западной философии (против позитивистов)» [11, с. 123], что основанием для нравственного и политического кризиса явилось умственное безначалие.

С. Франк в работе «Этика нигилизма («К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции»)», обозначивая наличие кризиса в сознании русской интеллигенции, отмечал, что «этому кризису старого интеллигентского сознания нечего удивляться, и еще менее есть основание скорбеть о нем; напротив, надо удивляться тому, что он протекает как-то слишком медленно и бессознательно, скорее, в форме непроизвольной органической болезни, чем в виде сознательной культурно-философской перестройки; и есть причины жалеть, что, несмотря на успехи в разложении старой веры, новые идеи и идеалы намечаются слишком слабо и смутно, так что кризису пока не предвидится конца. Для ускорения этого мучительного переходного состояния необходимо одно: сознательное уяснение тех моральных и религиозно-философских основ, на которых зиждутся господствующие идеи. Чтобы понять ошибочность или односторонность какой-либо идеи и найти поправку к ней, по большей части достаточно вполне отчетливо осознать ее последние послышки, как бы прикоснуться к ее глубочайшим корням» [18, с. 108]. Кроме того, С. Франк уже фиксировал в работе «Душа человека» наличие кризиса и необходимость преодоления его через духовное совершенствование культуры, «...ибо в чем бы ни заключался конкретно выход из переживаемого нами тяжелого кризиса, не подлежит сомнению, что единственный путь к нему – повышение духовного уровня нашей культуры, углубление плоскости обсуждения всех жизненных вопросов, преодоление всяческого невежества, варварства и одичания» [16]. Такой процесс, в свою очередь, предполагал погружение в фундаментальные основания культуры, в том числе посредством образовательных процессов.

Другой русский философ, Н. Федоров, характеризуя кризисные явления, пришел к выводу, что история XIX века – это пролог к глобальному кризису: «XIX век приближается к своему печальному и мрачному концу, он идет не к свету и не к радости» [14, с. 60]. Таким образом, Н. Федоров одним из первых в русской философии конца XIX века осмысливает с точки зрения кризисного мышления современную ему эпоху и фиксирует приближение кризиса.

Самым существенным проявлением эпохального кризиса начала XX столетия стал кризис культуры. Русская религиозная философия в лице Н. Бердяева, К. Леонтьева, С. Франка и др. видела истоки глобального всеобъемлющего кризиса в секулярных процессах, которые направили развитие человечества по ложному пути. Секуляризация увлекала человечество ложными ориентирами, одним из которых была идея прогресса. В период подъема классического искусства и

расцвета культуры в XIX столетии сознание людей определялось идеей прогресса и, исходя из этой идеи, формировалось представление и непосредственный образ культуры. Однако события начала XX века подорвали фундамент на котором зиждилась вся европейская цивилизация и культура.

С. Франк констатировал, что события, связанные с Первой мировой войной и революцией, обнажили ложность идеи прогресса и, соответственно, вскрыли и ложность представлений о культуре, деформировали само ее понимание. «Старое, логически смутное, но психологически целостное и единое понятие “культуры” как общего комплекса достижений человечества, то как будто стройное, согласованное и неразрывное целое, в состав которого входили и наука, и искусство, и нравственная жизнь, умственное образование и жизненное воспитание, творчество гениев и средний духовный уровень народных масс, правовые отношения и государственный порядок, хозяйство и техника, – это мнимое целое разложилось на наших глазах, и нам уяснилась его сложность, противоречивость и несогласованность» [17, с. 142].

В свою очередь К. Леонтьев, анализируя социально-политические процессы ещё задолго до С. Франка, осознавал необходимость обновления общественного и культурного устройства. Он писал: «Раз вековой сословно-корпоративный строй жизни разрушен эмансипационным процессом, – *новая прочная организация на старой почве и из одних старых элементов становится невозможной*. Нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания, а главное – *необходим новый центр, новая культурная столица*» [10, с. 85].

Вместе с К. Леонтьевым и С. Франком всю сложность и противоречивость кризисной культуры пытался осмыслить Н. Бердяев. Он много писал о кризисе культуры. Н. Бердяев рассматривал кризис культуры как многомерное явление, самым ярким проявлением которого, по мнению русского религиозного философа, стал кризис искусства. Искусство является квинтэссенцией духовного потенциала человека и, соответственно, созданной им культуры. Поэтому искусство есть самый яркий маркер, который характеризует состояние культуры. Он писал: «Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в его тысячелетних основах... Нарушаются грани отделяющие одно искусство от другого и искусство вообще от того, что не есть уже искусство, что выше или ниже его» [2, с. 209]. Одним из факторов, который привел к глубокому кризису искусства, Н. Бердяев называет механизацию, победу машины над человеком, что, в свою очередь, нарушает

развитие гармонической, органической жизни и приводит к надлому и гибели. В работе «Кризис искусства» он отмечал, что «с этого революционного события все изменилось в человеческой жизни, все надломилось в ней. Машина есть распятие плоти мира. Победоносное ее шествие истребляет всю органическую природу, несет с собой смерть животным и растениям, лесам и цветам, всему органически естественно-прекрасному. Романтическая печаль о погибающей прекрасной плоти этого мира, цветах, деревьях, прекрасных человеческих телах, прекрасных церквах, дворцах и усадьбах бессильна остановить этот роковой процесс» [2, с. 216].

Одним из существенных проявлений культурного кризиса Бердяев видит то, что изменилось само понятие красоты. Он фиксирует наличие «надлома» в искусстве: «В старой красоте человеческого быта и человеческого искусства что-то радикально надломилось... Погибла архитектура – это лучшее выражение всякой органической художественной эпохи» [2, с. 215]. И, возможно, одной из причин культурно-эстетического кризиса стала динамичность современного мира. Н. Бердяев писал, что «красота старого быта была статична. Ныне все стало динамическим, все статически-устойчивое разрушается, сметается скоростью механического движения» [2, с. 215-216].

На кризис искусства и красоты также обратил свое внимание другой выдающийся русский религиозный мыслитель – С. Булгаков. В своей работе «Образ и первообраз» философ писал, что наступает кризис искусства, главным проявлением которого становится разрыв между красотой и искусством, которое призвано воспевать и защищать прекрасное. «Между искусством и Красотой обозначается как будто даже антагонизм: искусство не существует вне граней, помимо их не происходит художественного оформления, а между тем Красота есть вселенская сила, которой принадлежит безмерность. Предлицом вселенской Красоты даже и само искусство до известной степени становится эстетическим мещанством, дорожащим красотой более, чем Красотой, привязанным к своему месту и имеющим определённое положение в “культуре”» [9, с. 333]. Кризис красоты и искусства, которые воспринимались С. Булгаковым как безусловная гибель, был «благодетельным». Для того, чтобы зародилось новое искусство и культура, старые должны умереть, превратиться в грунт, из которого сможет прорасти преображенное искусство.

Ещё один русский мыслитель, Н. Федоров, обратил внимание на кризис не столько искусства как такового, как на кризис в самом искусстве. К этой мысли он пришёл через осмысление эстетического кризиса, который

был связан с осознанием несовершенства и недостаточности искусства и актуализировался через потребность спасения жизни вообще. Так, в статье «Эстетический кризис» философ обращал внимание на «связь эстетического кризиса с вопросом о человечестве как едином роде» [15, с. 108].

При этом представители русской философии конца XIX – начала XX в. выделяли не только «кризис культуры» или же «кризис искусства» как часть кризисных дискурсов культуры, но обозначивали разные смысловые слои «кризиса».

Так, в кризисе культуры Н. Бердяев выделяет разные семантические слои. Основой кризиса культуры мог стать только кризис сознания. Именно этот кризис сознания разлагает человеческую культуру, именно кризис сознания выплескивается на полотна живописцев, выражается в поэтических произведениях поэтов, звучит в произведениях композиторов: «Мы живем в период глубокого кризиса сознания, переоценки основных жизненных ценностей, и нам нужна не только энергия воли, направленная к победе над врагом, но и энергия мысли, направленная к национальному возрождению» [5, с. 328]. Еще более категоричным в оценках кризиса сознания был С. Франк: «В этом смысле и вера в «культуру» умерла в нашей душе, и все старые, прежде бесспорные ценности, причислявшиеся к ее составу, подлежат ещё, по меньшей мере, пересмотру и проверке. Обаяние кумира культуры померкло в нашей душе так же, как обаяние кумира революции и кумира политики» [17, с. 144]. Таким образом, кризис сознания разлагал само понятие культуры, ее самоценности. С. Франк констатировал, что культура всего лишь «кумир» – «медь звенящая», и превращение её в пыль есть закономерный процесс развития человеческого сообщества. Таким образом, С. Франк пришел к неутешительному выводу: кризис культуры ведет к ее гибели.

Н. Бердяев был более оптимистичен в оценках дальнейшего развития культуры и искусства. Он понимал кризис культуры одновременно и как упадок, и как переход к чему-то качественно новому. Русский религиозный мыслитель писал: «Кризис культуры осознание ее неудачи, невозможности перелить в культуру творческую энергию. Космическое распластование и распыление порождает кризис всякого искусства, колебание границ искусства. Пикассо очень яркий симптом этого болезненного процесса. Но таких симптомов много. Перед картинами Пикассо я думал, что с миром происходит что-то неладное, и чувствовал скорбь и печаль гибели старой красоты мира, но радость рождения нового» [2, с. 231]. То есть кризис, согласно Н. Бердяеву – это гибель, но гибель возрождающая и обновляющая бытие.

Вместе с тем Н. Бердяев при анализе кризиса культуры приходит к выводу, что всеобъемлющий кризис культуры проявился также в кризисе государственности. Он отмечает: «Всемирно-историческая катастрофа будет кризисом старой культуры – кризисом международного капитализма и международного социализма, империализма и милитаризма, кризисом всех старых основ жизни» [4, с. 274]. Таким образом, он обозначивает новый, социально-политический срез кризисного мышления конца XIX – начала XX в. через осмысление «пересечений» культуры и государства

Вначале Н. Бердяев ведёт речь лишь о кризисе старых традиционных форм власти, построенных на монархических принципах. Однако он приходит к выводу, что предлагаемая альтернатива – классовое государство – глубоко порочно: «Власть имеет объективную природу, она не может быть совершенно субъективной и произвольной, партийной и классовой. Когда она делается такой, власть вырождается и падает» [1, с. 534]. Н. Бердяев считает, что государство должно быть надклассовым, а закрепление классового расслоения общества и классового господства разлагает власть и государство.

Вслед за Н. Бердяевым на кризис государства и власти обращает внимание Е. Трубецкой. Он считает, что основой кризиса государства послужил мировоззренческий кризис, порожденный Первой мировой войной и революциями. Он писал в своей работе «Смысл жизни», что «нет страны, где бы логика войны не оказывала тлетворного для национального чувства влияния. В Германии, как и всюду, пред массами становится вопрос, оказавшийся роковым для России, – что предпочтительнее – интересы класса или спасение родины; кто подлинный враг – чужой соседний народ или свои же собственные правители и правящие классы?» [13, с. 328-329]. Из приведенной цитаты видно, что Е. Трубецкой солидарен с Н. Бердяевым, что идея классового государства – это не выход из кризиса, а проявление этого кризиса. Развивая этот тезис, мыслитель писал: «На войне человек жертвует жизнью для государства, и эта жертва оправдывается, когда она приносится ради какой-либо неумиряющей духовной ценности, которая переживает личность. Но требовать, чтобы человек жертвовал жизнью для материального благополучия и комфорта, которым после его смерти будут пользоваться другие, безумно и несправедливо, ибо человеческая личность – ценность несравненно большая, чем всякие материальные блага; никакие удобства и выгоды масс не вознаграждают общество за утрату одной живой человеческой души. Поэтому государство, которое служит

только материальному благополучию людей, построено на лжи, и массы чувят в нем обман; вот почему встречается так много простаков, которые и в самом деле искренно верят, что родина – выдумка капиталистов» [13, с. 329-330].

Проблематику кризиса власти и государства разрабатывал еще один русский философ – С. Булгаков. Истоки кризиса власти он видел в секуляризации человеческого сознания. Власть и государство могут быть стабильными лишь до того момента, пока они воспринимаются как сакральная сфера человеческой деятельности, освященная Божественной милостью. Процессы секуляризации деформировали понятие государства, как в широких слоях населения, так и среди элиты. Он писал: «На место мистическому служению пришел античеловеческий утилитаризм. Энергия власти начала распыляться на мелочную политическую борьбу, а не на удовлетворение нужд общества. Власть как таковой неизменно присущ известный религиозный или мистический ореол, который поглощает не только корону наследственного монарха, но и ликторскую секиру республиканского консула. Власть, сведенная целиком к роли утилитарного средства, не просуществовала бы и одного дня, сделавшись игрищем борющихся интересов, и новейший кризис власти в век революции связан именно с непомерным, хотя все-таки неокончательным, преобладанием интересов и вообще всяческого утилитаризма в жизни власти» [9, с. 337]. С. Булгаков, как и Е. Трубецкой четко не разграничивают понятия кризиса государства и кризиса самой идеи государственности, хотя подобные мысли и угадываются в их философских построениях.

В отличие от вышеуказанных философов, Н. Бердяев приходит к выводу о кризисе государства как такового, о кризисе государственности вообще. В статье «Пробуждение национальной воли» философ писал: «Ныне переживаем мы кризис русской государственности. Кризис этот заключается не в том, что какие-то антигосударственные течения нахлынули на русскую государственность и вступили с ней в борьбу. Кризис этот прежде всего в том, что выявляется ложная основа, подрывающая собственное бытие государства. В самой государственности была какая-то антигосударственная привычка. В самом национальном теле России было что-то инородное, не рожденное из глубины национальной жизни, а принесенное извне. Поэтому мы живем в эпоху глубочайшего перерождения национального и государственного сознания» [6, с. 460].

Дальнейшее развитие тезис о кризисе идеи государственности получил в работе Н. Бердяева «Новое средневековье», в которой он пришел к выводу, что «рушатся основы

миросозерцания XIX века, и потому рушатся обоснованные на нем государства и культуры. Рушатся государства монархические и демократические, одинаково имевшие в своей первооснове гуманизм. Переживает кризис и крах не та или иная форма государства, а само государство. Крепких, долголетних государств не осталось. Ни одно государство не знает, что будет с ним завтра. Никакой легитимизм, легитимизм ли старых монархий или легитимизм новых демократий с их формальной идеей народовластия, не имеет более силы над душами людей. Никто более не верит ни в какие юридические и политические формы, никто ни в грош не ставит никаких конституций. Все решается реальной силой» [3]. В этой ситуации, по мнению русского философа, нет речи не только о действенности «легитимизма», но даже нет веры в политические и юридические формы, а все решения реализуются посредством силы.

Русские религиозные философы С. Булгаков, Е. Трубецкой и Н. Бердяев пришли к выводу, что преодоление кризиса государственности путем революционных преобразований бессмысленно. Более того, социально-политические революции были проявлением глубокого кризиса власти и государств. Они констатировали, что провозглашенная марксизмом классовая борьба абсурдна и бессмысленна. Восстание против господствующих классов бессмысленно. Как только подчиненные классы низвергают господствующие, первые превращаются в классгоспод, а вторые занимают место первых. Общественный антагонизм неизбежно повторяется. Государственность обречена на бесконечный круговорот делегитимизаций. Только религиозная составляющая способна возродить идею «государства» и «культуры» как непреходящую ценность. По мнению русских мыслителей (С. Булгаков, Е. Трубецкой и Н. Бердяев), только возвращение культуры из профанного пространства человеческой деятельности в сакральную позволит преодолеть всесторонний цивилизационный кризис и выйти на новый этап развития человечества.

Вместе с тем постигший человечество кризис воспринимался русскими философами скорее не как катастрофа, а как новый этап развития человечества. Конечно, очень болезненный, во многом смертельный, но за гибелью они видели свет воскрешения и преображения – «новую землю» и «новое небо». Тот же Н. Бердяев писал, что в кризисном сознании «есть великая правда, для многих современных людей не пережитая и неведомая, углубляющая отношение к жизни. Но и другое сознание пробуждается мировой катастрофой – сознание необычных сил самого человека. Оба

сознания выражают лишь две стороны единой истины об откровении Божества в человеке» [4, с. 274]. Кризис во многом понимался Н. Бердяевым как механизм онтологического преобразования, где кризис предполагался не просто как упадок, а как гибель, приводящая в дальнейшем к созданию нового.

Выводы. В результате анализа кризисного мышления русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. (на примере работ Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева, Е. Н. Трубецкого, Н. Ф. Федорова, С. Л. Франка) были выделены и проанализированы такие типы кризиса: «кризис культуры», «кризис искусства», «кризис сознания», «кризис государственности». Обозначены дискурсы, в которых эти типы кризисов пересекаются в построениях не только одного философа (например, Н. Бердяева, В. Соловьева или Н. Федорова), но и в построениях нескольких философов (К. Леонтьев – С. Франк – Н. Бердяев – Н. Федоров, или С. Булгаков – Е. Трубецкой – Н. Бердяев, или же Н. Бердяев – С. Франк).

Перспективы дальнейших исследований. Данная статья может стать основанием для историко-философского исследования кризисного мышления русской философии середины XX века.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н. А. Власть и ответственность / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. – М. : Астрель, 2007. – С. 534–537.
2. Бердяев Н. А. Кризис искусства / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. – М. : Астрель, 2007. – С. 209–242.
3. Бердяев Н. А. Новое средневековье. [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Режим доступа : <http://philosophy.ru/library/berd/midl.html>
4. Бердяев Н. А. О дремлющих силах человека / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. – М. : Астрель, 2007. – С. 271–275.
5. Бердяев Н. А. О «левости» и «правости» / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. – М. : Астрель, 2007. – С. 328–332.
6. Бердяев Н. А. Пробуждение национальной воли / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. – М. : Астрель, 2007. – С. 459–461.
7. Бердяев Н. А. «Славянофильство» у власти / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. – М. : Астрель, 2007. – С. 333–340.
8. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национализма / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. – М. : Астрель, 2007. – С. 17–208.
9. Булгаков С. Н. Первообраз и образ : сочинения в 2-х томах / С. Н. Булгаков. – СПб. : Инапресс ; М. : Искусство, 1999. – Т.1. Свет невечерний. – 416 с.

10. Леонтьев К. Н. Письма о Восточных делах / К. Н. Леонтьев // Полное собрание сочинений и писем в 12 т. – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2007. – Т. 8. (кн.1). – С. 43–30.

11. Соловьев В. С. Кризис западной философии (против позитивистов) / В. С. Соловьев // Сочинения в 2 т. – Т.2. – М. : Мысль, 1988. – С. 3–138.

12. Соловьев В. С. Тайна прогресса : сочинения в 2 т./ В. С. Соловьев. – Т.2. – М. : Мысль, 1988. – С. 556–557.

13. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой // Смысл жизни. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – С. 12–361.

14. Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) / Н. Ф. Федоров // Собрание сочинений в 4-х тт. – Т. 1. – М. : Прогресс, 1995. – С. 35–308.

15. Федоров Н. Ф. Эстетический кризис / Н. Ф. Федоров // Собрание сочинений в 4-х тт. – Т.3. – М. : Традиция, 1997. – С. 452–453.

16. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию [Электронный ресурс] / С. Л. Франк. – Режим доступа : http://www.odinblago.ru/dusha_cheloveka/

17. Франк С. Л. Крушение кумиров / С. Л. Франк // Сочинения. – М. : Правда, 1990. – С. 113–182.

18. Франк С. Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) / С. Л. Франк // Сочинения. – М. : Правда, 1990. – С. 77–112.

Карпова С. Г. Кризове мислення російської релігійної філософії кінця XIX – початку XX ст. Проаналізовано кризове мислення російської релігійної філософії кінця XIX – початку XX ст. Виявлені і досліджені в роботах М. Бердяєва, С. Булгакова, К. Леонтьєва, В. Соловйова, Е. Трубецького, С. Франка такі типи кризи як «криза культури», «криза мистецтва», «криза свідомості», «криза державності». Виявлені компаративні зв'язки в «кризовому мисленні» представників російської релігійної філософії.

Ключові слова: криза, криза культури, криза свідомості, криза державності, російська релігійна філософія.

Karpova S. The crisis thinking of Russian religious philosophy late XIX – early XX century. The crisis thinking of Russian religious philosophy late XIX – early XX century is analyzed. In the works of N. Berdyayev, S. Bulgakov, K. Leont'ev, V. Soloviev, E. Trubetskoi, S. Frank was detected and investigated such types of crisis: «crisis of culture», «crisis of art»,

«crisis of consciousness», «crisis of statehood». In the Russian religious philosophy was revealed a comparative communications of «the crisis mentality».

Keywords: crisis, crisis of culture, crisis of consciousness, crisis of statehood, Russian religious philosophy.

Надійшла до редколегії: 02.02.2014 р.

УДК 291.16

А. Р. Кобетяк

Житомирський державний університет імені Івана Франка

**ТРАНСФОРМАЦІЯ КОНФЕСІЙНОЇ СТРУКТУРИ УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА
ТА РИЗИКИ МІЖЦЕРКОВНИХ КОНФЛІКТІВ**

У дослідженні йдеться про місце толерантності у трансформаційних процесах конфесійної структури українського суспільства. Розкривається суть та динаміка зростання релігійної мережі країни у 1988-2013 рр. Аналізуються конфлікти, які вже мали місце у міжконфесійних відносинах незалежної України, а також прогнозуються всі можливі ризики нових релігійних протистоянь. Стверджується, що толерантність є єдиним способом налагодження міжконфесійних стосунків.

Ключові слова: конфлікт, конфесія, толерантність, конструктивний діалог, міжконфесійні відносини.

Глобалізаційні процеси ХХІ ст. диктують нові умови співіснування різних народів, етносів та меганаціональних утворень. Не минули ці процеси і релігійної сфери. Представники різних релігійних організацій постійно стикаються між собою у повсякденному житті та культовій діяльності. Подекуди такі зустрічі переростають у масштабні міжрелігійні війни чи протистояння. Сучасне геополітичне питання тісно взаємопов'язане з питанням ідентичності людей. Саме етноконфесійний та геополітичний фактори постають сьогодні рушійною силою значних релігійних трансформацій та перетворень на конфесійній карті світу.

Не минули такі зміни й нашої країни. Україна розташована на межі християнства та ісламу, що ускладнює релігійні процеси. Крім того, поширення течій християнського віровчення має посередній характер, що лише підсилює міжконфесійні протиріччя та суперечності [7, с. 29].

Актуальність обраної теми полягає в тому, що Україна ніколи не була моноконфесійною державою. Її релігійний плюралізм має власне історичне коріння, а через значний рівень політизації релігії постійно загострюються міжконфесійні конфлікти, протистояння. Лише за кілька років відбулося стрімке зростання релігійної мережі у її різнобарвних і суперечливих виявах, вибухнули численні міжконфесійні та внутрішньоцерковні конфлікти, що значно посилили соціально-політичну напругу в суспільстві. Україна сьогодні посідає перше місце на всьому пострадянському просторі не лише за темпами поширення релігійної мережі, а й за частотою та масштабами міжконфесійних протистоянь та їх строкатістю. Прикметно, що релігійні зіткнення розгорнулися відразу в різних

напрямах та на різних рівнях: розкол та внутрішня конфронтація православних церков різних юрисдикцій; за давненим конфлікт між Московським патріархатом і УГКЦ; традиційні для всього пострадянського табору суперечки між православними та протестантськими організаціями; християнсько-мусульманські протистояння на Півдні України, до того ж ускладнені напругою у етнонаціональних відносинах; вже розповсюджені конфлікти між традиційними і нетрадиційними для України релігіями.

Упродовж останніх років стає очевидним, що релігійна однорідність – не трагедія чи помилка, а об'єктивна закономірність, яку необхідно сприймати як вже даний факт. У науковому розумінні поліконфесійність – це «стан взаємовідносин і взаємодії множини релігій і релігійних течій, груп і організацій, що співіснують у регіоні, країні, у тій чи іншій місцевості або місті» [9, с. 772]. Попри певні спроби відшукати оптимальну модель державно-церковних та міжконфесійних відносин через утілення імперативів толерантності, напруга у суспільстві та ризики церковних конфліктів все ж не спадають.

Мета статті обумовлена актуальністю запропонованої теми і полягає у ґрунтовному дослідженні процесу трансформації конфесійної структури українського суспільства і визначенні та прогнозуванні можливих ризиків міжконфесійних та внутрішньоцерковних конфліктів.

Значну увагу питанням трансформації конфесійної структури України приділяли В. Бондаренко, А. Колодний, В. Єленський, В. Лубський, П. Яроцький, П. Саух, С. Здіорук, В. Пащенко, О. Саган, Л. Филипович, М. Бабій, О. Кисельов, Ю. Чорноморець, М. Маринович